

С ВОЗВРАЩЕНИЕМ И – ЦЫЦ! (1922)

Ближайшие недели без сомнения станут для всей страны временем тяжелых испытаний. Они ознаменуются возвращением в города тысяч и тысяч отпускников, которые два месяца или две недели лихорадочно набирались сил вдаль от дома. Другой столь же омерзительной категории граждан, как возвратившиеся после летнего отдыха, пожалуй, не найти.

Прежде всего, вид у них вызывающе здоровый. Загорелые и облезшие, они сыплются с поездов и при этом так нагло пышут здоровьем, словно удостоились его за личные заслуги. Если бы можно было, кое-кто из них носил бы свой облупленный нос на цепочке от часов с такой же гордостью, с какой студенты университетов цепляют на нее эмблемы своих клубов.

За лето они так привыкли к купальным костюмам и рубашкам нараспашку, что в твердых воротничках держатся так же неловко, как борцы-профессионалы: того и гляди порвут узду.

С поезда они сгружаются со страшным шумом:

– Где Бесси? Нед, где Бесси?... Термосы не забыли?... А вокзал-то ни капельки не изменился (истерический хохот)... Нет, Уоллес, ведро и лопатку носи сам. Мама тебе не носильщица. Мама говорила: хочешь взять ведро и лопатку с собой – понесешь сам. Говорила, Уоллес, ведь говорила?... Уоллес, послушай... Эдна, Бесси с тобой?... Гарри пошел за чемоданами. Сказал, что за чемоданами... Гляди-ка, муниципалитет. Ну ничуть не изменился. Стоит себе, и хоть бы что... Я знаю, Уоллес, маме тоже жарко, но мама же не плачет, правда? Куда это Берт запропастился? Обещал, что придет встречать... Ну-ка, Лилиан, дай сюда плащ. А то ты его по земле волочишь... А, вот он, Берт... Эй, Берт! Мы здесь!.. Спенсер, вон папочка... Папочка, ау! Жвачка на ботинке? Сними сию же минуточку!.. Где Бесси?

Беседуя в таком роде, отдохнувшие высыпают на улицу, садятся в такси, разъезжаются по домам. И таких миллионы. Ужас!

Дома дело обстоит еще хуже, правда на этот раз обходится без многочисленных свидетелей. При виде восьми воскресных и шестидесяти двух ежедневных газет, разбросанных на крыльце и на газоне, семейство громогласно высказывает папочке порицание за то, что он не удосужился на время отменить их доставку. Папочка утверждает, что удосужился и что виноват болван-разносчик.

– Не часто же ты в июле заглядывал домой, – укоризненно говорит мамочка. – А то заметил бы беспорядок. (Папочка присоединился к отдыхающему семейству только в августе).

– В июле газеты не приносили, – тихо и твердо возражает папочка (и с этими словами наступает на номер от девятнадцатого июля).

В доме такая обстановка, что никто не отважится провести здесь ночь и за сотню долларов. Из-за диванов словно торчат ноги покойников, а в комнатах стоит такой тяжелый запах, точно их опечатали до приезда коронера.

Младший сынишка поднимается к себе в комнату проверить, на месте ли его паровозик, кубарем скатывается вниз и, задыхаясь от ужаса, сообщает, что в комнате для гостей «что-то есть». В эту минуту хлопает дверь черного хода – как будто из дома кто-то вышел. Единогласным решением домочадцев папочка командирится наверх, дабы разобраться в происходящем. Папочка твердит, что должен находиться внизу: вот-вот привезут багаж – но ничего не помогает. Осторожно пошмыгав туда-сюда перед дверью гостевой комнаты, папочка возвращается через пять минут и объявляет, что это просто груда вещей на кровати, прикрытая простыней. «Ха-ха-ха-ха-ха!».

Затем распаковывается багаж. Установлено, что из чемоданов того сегмента населения, который известен как «вернувшиеся после отдыха» в течение нескольких недель извлекаются следующие предметы:

- кроссовки, набитые песком,
- купальные костюмы, не просохшие после «еще разика напоследок»,
- рваные теннисные мячи,

журналы за прошлый месяц, купленные, чтобы скоротать время в парке,
ракушки и камушки, подобранные на берегу с намерением что-нибудь ими украсить, но
вдруг потерявшие декоративную ценность,
морские звезды, которых дети спасли из воды и не захотели оставить без присмотра,
кружевные шарфы и шали, купленные у торговца-армянина,
пустые тюбики из-под солнцезащитного лосьона, полупустые флаконы с цитронелловым
маслом и баночки с белым кремом для обуви,
белые фланелевые брюки, вполне заслуживающие чистки,
фотокарточка, на которой Эд и Молли стоят на берегу в купальных костюмах,
фотокарточка, на которой никто нигде ни в чем не стоит,
засохшие цветы, бальные записные книжки и прочие сувениры, призванные навеять
трогательные воспоминания о вечерах прошедшего лета,
недовязанные свитера.

Затем начинается рейд по соседям с целью поделиться впечатлениями о летнем отдыхе.
Каждый отдохнувший убежден, что всем в округе не терпится услышать, как он провел лето. И
вот, остановив на улице совершенно незнакомого человека, отдохнувший начинает:

– А неделю назад – как раз в это время – мы ходили на почту. Там прямо напротив почты
рыбные ряды, и представляете – сценка: идет Билли и ведет на веревочке омара. Это в тот
вечер, когда мы купались при луне.

– Ишь ты, – говорит незнакомец и спешит дальше.

Потом сходятся двое, отдохнувшие в разных местах. Про чужой отдых они слушать не
хотят – и не слушают. Говорят наперебой, поминутно выхватывая из карманов фотоснимки:

– Здесь мы обычно обедали...

– Это что. У Стива на озере был друг, так у него...

– ...А в казино каждый день такое...

– ...А вы бы видели Мириам. Картинка!...

Каждый старается переговорить собеседника, очень скоро доходит до драки. Жаль, при
этом никто никого не убивает. Одно такое убийство – и многим бы стало жить легче.

Когда будет снова вводить ограничения на иммиграцию, надо, чтобы они
распространялись на возвращающихся после летнего отдыха. Посадить в каждом городе по
официальному уполномоченному – и пусть впускает только тех, кто дает подписку не трещать
попусту, а заниматься своим делом.